

И.И. ОРЛИК

ЕВРАЗИЙСТВО: ОТ ЗАРОЖДЕНИЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ

В трагический период распада многовекового Российского государства в начале 90-х годов XX в. неожиданно вновь появилась старая идея “спасения России”. Ее оживили известный историк, русский мыслитель Л.Н. Гумилев и несколько других российских обществоведов – философов, правовиков, политологов.

Давняя, казалось, совсем забытая и не вызывавшая особого интереса у советских историков евразийская идея, которая якобы должна “спасти Россию”, вдруг привлекла внимание многих исследователей и даже политиков. Одна за другой проводились конференции и научные дискуссии, посвященные этой идее, сформулированной и обоснованной в не менее драматичное для нашей страны время – в начале 20-х годов прошлого столетия. Тогда шла кровопролитная, продолжительная гражданская война. Судьба российского государства была очень неопределенной. И в это время небольшая группа русских интеллектуалов – профессора университетов, писатели, публицисты, бежавшие или насильственно изгнанные, – задумались над будущим своей родины.

Это были не дилетанты, не политические доктринеры, предававшиеся пустым фантазиям без каких-либо весомых аргументов. Нет, это были “люди, прошедшие научную школу, владеющие искусством изощренного анализа”¹.

Представители русской интеллектуальной элиты в эмиграции (они обосновались в Праге, Софии, Белграде, Париже и Берлине) в отличие от тех, кто ставил своей целью борьбу за свержение советской власти², попытались осмыслить произошедшие в их стране кардинальные перемены и определить возможное будущее России, ее место и роль в мировом развитии. В начале 1920-х годов в Праге экономист-географ П.Н. Савицкий и философ Н.С. Трубецкой стали основателями идейного течения, вскоре получившего название “евразийство”. Признанными идеологами евразийства были также Н.Н. Алексеев, Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин, В.П. Никитин, Б.Н. Ширяев, В.Н. Иванов.

СТАНОВЛЕНИЕ ЕВРАЗИЙСТВА

В течение 1920-х годов евразийское движение распространяется в ряде европейских стран, не получая какого-либо четкого организационного оформления. Однако влияние идей евразийства становится все более широким, чему способствуют многие издания в Праге, Париже, Берлине, а также привлекавшие большое внимание евразийские конференции. Они проводились в Софии, Праге, Париже и Берлине. Одновременно издавался сборник “Евразийский временник” (9 выпусков за 1922–1929 гг.).

По мере расширения евразийского движения происходит его дифференциация, а в ряде случаев – переход его сторонников на жесткие политические позиции борьбы

Орлик Игорь Иванович – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института экономики РАН.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 09–02–00–557-а/Р).

¹ Люкс Л. Евразийство и консервативная революция. – Вопросы философии, 1996, № 3, с. 59.

² См. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1987.

с советским строем. Резкая политическая поляризация привела в конце 1920-х годов к расколу евразийского движения. Его центр переместился в Париж, где под руководством Л.П. Карсавина с 1927 г. действовал “Евразийский семинар”. Одновременно началось и издание газеты “Евразия”. Раскол в редакции “Евразии” привел к фактическому прекращению деятельности евразийского движения в Париже. 31 декабря 1928 г. Н.С. Трубецкой в письме в редакцию “с прискорбием” отмечал “факт раскола”, признавал невозможность восстановить внутреннее единство и равновесие евразийства и заявлял о своем выходе из газеты “Евразия” и из евразийской организации.

Евразийская группа ученых, не связывавших свою деятельность с политическими целями, в 1930-е годы сохранилась только в Праге.

Евразийство, как сумма идей, сложно по своему содержанию. Не случайно евразийцы называли свое учение системой, сформированной на основе комплексного подхода, хотя критики евразийцев, прежде всего “соседи” по Праге А.А. Кизеветтер и П.Н. Милуков, не признавали их учения, считая его проявлением “расистской идеологии”, “максимализмом”³.

Истории возникновения евразийства как научного идейного течения посвящены многие работы отечественных историков и философов⁴. Их оценки заслуживают специального исследования. Нас же интересует суть евразийства, его главные концептуальные установки, которые могут представлять интерес с точки зрения их использования и применения к анализу проблем евразийского пространства в XXI в. Остановимся лишь на некоторых главных положениях концепции евразийства.

Ее основатели считали, что в течение нескольких веков пространство России, ее территория увеличивалась за счет “органического расширения в Азии”⁵, а Московское государство, выросшее из Северо-Восточной Руси, стало объединителем евразийского мира, приняв культурно-политическое наследие монголов. Отсюда и вывод о том, что русский народ – это “особый этнический тип, сближающийся как с азиатским, так и с европейским”.

По мнению П.Н. Савицкого, культура России не является ни полностью европейской, ни одной из азиатских. В ней нет механического соединения элементов той и других. Это срединная, евразийская культура, первенствующую роль в которой играют великороссы. Границы Евразии совпадают с границами Российской империи. Евразия – особая часть света, особый континент, “некоторое замкнутое и типичное целое и с точки зрения климата, и с точки зрения других географических условий”⁶. Евразийская культура связана с другими культурами, но азиатские культуры ей ближе. “Русский мир евразийцы ощущают как мир особый и в географическом, и в лингвистическом, и в историческом, и в экономическом, и во многих других смыслах. Это “третий мир” Старого Света, не составная часть ни Европы, ни Азии, но отличный от них и в то же время им соразмерный”⁷, – писал П.Н. Савицкий.

Для будущего России, считали евразийцы, необходимо закончить дело Петра I, т.е. “вслед за тактически необходимым поворотом к Европе совершить органический поворот к Азии”⁸. При этом подчеркивалось, что Россия отличается от Германии или

³ См., например: *Кизеветтер А.* Евразийство. – В кн.: *Вандалковская М.Г.* Историческая наука российской эмиграции: “евразийский соблазн”. М., 1997, с. 336 – 341; *его же.* Русская история по-евразийски. – Там же, с. 341 – 348; *Милуков П.Н.* Русский “расизм”. – Там же, с. 331–335.

⁴ См., например: *Вандалковская М.Г.* Указ. соч.; К истории евразийства. 1922–1924 гг. М., 1994; *Толстой Н.* Истоки евразийства. М., 1994; *Чесноков Г.Д.* Евразийство и проблемы современной России. М., 1995; *Пушкин С.Н.* Евразийское учение. СПб., 1999; *Пащенко В.Я.* Идеология евразийства. М., 2000.

⁵ *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. – Россия и Европа. Хрестоматия по русской геополитике. М., 2007, с. 406.

⁶ Там же, с. 410.

⁷ Там же, с. 410–411.

⁸ Там же, с. 409.

Франции тем, что ее основой является культурно-материковое, а не национально-государственное единство.

Не все евразийцы предлагали отвернуться от Европы. Напротив. Но для того, чтобы “сблизиться с Европой, – полагал П.Н. Савицкий, – нужно стать духовно и материально независимыми от нее”. Евразийцы утверждали, что Россия может быть независимой, поскольку “она представляет своеобразную географическую среду, в своих простых, широких очертаниях резко отличную от дробного строения Европы”⁹.

Более категоричен был Н.С. Трубецкой. По его мнению, евразийский мир являет собой “замкнутое и законченное географическое, хозяйственное и этническое целое”, которое отличается как от “собственно Европы, так и от собственно Азии”. Сама природа, подчеркивал он, указывает народам Евразии “необходимость объединиться в одно государство и создавать свои национальные культуры в совместной работе друг с другом”. Россия не должна быть “провинцией европейской цивилизации”. Европейский образ мысли рассчитан на “совершенно иной психологический тип людей”. Задача России в будущем состоит в том, чтобы осознать наконец свою подлинную природу. Необходимо созидание “самостоятельной и самодовлеющей русско-евразийской культуры на основаниях, совершенно отличных от духовных основ европейской цивилизации”¹⁰. Это максималистское утверждение Н.С. Трубецкого не раз подвергалось критике со стороны оппонентов евразийства.

Г.В. Вернадский считал главным фактором формирования Российской империи географическую среду. Поэтому каждый из пяти разделов его изданной в 1927 г. Евразийским книгоиздательством в Праге монографии “Начертание русской истории” содержит в названии слова “лес” и “степь”¹¹. Идеи, изложенные Г.В. Вернадским в этой книге, легли в основу ряда концептуальных положений евразийства: нет двух России – “европейской” и “азиатской”, есть лишь одна Россия – “евразийская” или “Россия-Евразия”; непрерывное поступательное движение русских на восток является не “империализмом”, а “неустранимой внутренней логикой месторазвития”; русский народ не только применился к своему месторазвитию, но в большей степени сам его и создал¹².

В ряде работ евразийцев, особенно в трудах Н.С. Трубецкого, большое место отведено роли религиозного фактора, который призван объединять в единое целое православных христиан с мусульманами и буддистами, укреплять связи народов Евразии.

Некоторые историки евразийского движения утверждают, что оно возникло на базе славянофильства. Это не так, хотя многие взгляды как будто бы почерпнуты у славянофилов.

Идеи славянофилов наиболее полно были освещены в серии статей русского философа Н.Я. Данилевского, опубликованных в 1869 г. в журнале “Заря”, а затем включенных в его труд “Россия и Европа”, вышедший в 1871 г. В основных главах этого труда рассматриваются культурные и политические отношения славянского мира и мира германо-романского, сложность, а подчас и враждебность во взаимоотношениях Европы и России; ставятся вопросы о принадлежности России к Европе и о тождественности европейской цивилизации общечеловеческой; определены культурно-исторические типы и законы их развития; предпринята попытка выяснения различий в характере народов, их “психическом строе”, а также влияние на них “исторического воспитания”. Автор приходит к главному выводу славянофилов: “европейничанье – болезнь русской жизни”, а ее спасенье – “всеславянский союз”¹³.

Славянофилам принадлежит приоритет в выдвижении русской “национальной идеи”, которую они определили формулой “всемирного общечеловеческого единения”.

⁹ Там же, с. 411.

¹⁰ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 1999, с. 282–285.

¹¹ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб., 2000.

¹² См. там же, с. 23, 281.

¹³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991, с. 265.

Начало ему, по их мнению, положит “всеславянское единство”. Ф.М. Достоевский писал о “русской национальной идее” со злой иронией и назвал ее “примирительной мечтой вне науки”¹⁴. Кстати, взгляды Достоевского не могли не сказаться при формировании евразийского идейного течения. Именно у него евразийцы нашли важный ориентир. “В грядущих судьбах наших может быть Азия – то и есть наш главный исход”¹⁵, – писал Достоевский, а позже дополнял: русские не только европейцы, но и азиаты.

Евразийство испытало влияние двух противоречивых и даже враждебных друг другу русских идейных течений: славянофильства и западничества. В трудах евразийцев мы находим многие заимствования из взглядов славянофилов – Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, а также западников – И.С. Тургенева, П.Я. Чаадаева, М.Н. Каткова. Но ни одного из этих течений евразийцы не принимают. Их идеи оригинальны и составляют полностью самостоятельное направление. Первые евразийцы, далекие от политических амбиций лидеров белой эмиграции, полагали, что главным является сохранение “евразийской общности”. Именно поэтому они считали вполне исторически обоснованными империю Чингисхана, Московское государство, Российскую империю, СССР – как преемственные формы евразийского объединения.

Идеологи евразийства создали концепцию исторического, геополитического, культурного, этнографического единства России-Евразии, которая, по их представлению, является особым геоприродным, историческим и социокультурным миром.

“НЕОСОЗНАННОЕ” ЕВРАЗИЙСТВО

Особое внимание основатели евразийства обращали на сохранение евразийского пространства. В 1926 г. П.Н. Савицкий, говоря о “естественности” границ России, отмечал, что, “несмотря на страшные потрясения войны и революции”, в общем и целом, с отклонениями в обе стороны “границы Евразии совпадают с границами Русской империи”¹⁶.

Евразийцы не раз заявляли, что “существо русско-евразийской идеи осталось *неосознанным* (курсив мой. – И.О.) и даже искаженным, правда, лишь в призванном его осуществлять правящем слое”¹⁷. Эта неосознанность, по мнению евразийцев, была характерна и для советских руководителей. Идея евразийства, писал П.Н. Савицкий в 1933 г., “живет в СССР, но только не осознает в нем своего существования”¹⁸. Русская революция, продолжал он, покончила с Россией как частью Европы, “она обнаружила природу России как особого исторического мира. Но в настоящее время это не более как намек и задание. Цель евразийцев – реализовать его в исторической действительности”¹⁹.

П.Н. Савицкий реально оценивал ситуацию в Советской России с точки зрения сохранения евразийской тенденции, особенно в связи с национально-лингвистической политикой. “Давая свободу и простор употреблению и развитию всех многообразных языков Евразии, – писал он, – коммунистическая власть, несомненно, примыкает к здоровой и творческой евразийской традиции”²⁰. Однако евразийцы называли утопическим, фиктивным коммунистический интернационализм в качестве руководящего принципа в жизни СССР. Таким принципом они считали национализм общевразийский.

Отношение евразийцев к советскому режиму было сложным и противоречивым. С одной стороны, они, конечно, являлись противниками коммунизма. Но, с другой

¹⁴ Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 26 т., т. 25. Л., 1984, с. 19–20.

¹⁵ Там же, т. 27, кн. 2, с. 32.

¹⁶ Савицкий П.Н. Указ. соч., с. 408.

¹⁷ Там же, с. 410.

¹⁸ Там же, с. 411.

¹⁹ Там же, 412–413.

²⁰ Там же.

стороны, их враждебное отношение к западной либеральной демократии делало их словно бы союзниками советских властей, что было предметом злобных нападок их “собратьев” по эмиграции. Евразийцы ориентировались на “третий путь”, но подробно эту тему не развивали. Они признавали, что в СССР русский народ есть и будет только одним из равноправных народов, населяющих государственную территорию и принимающих участие в управлении ею. Эта перемена роли русского народа в государстве ставит перед русским национальным самосознанием ряд проблем. Для того чтобы отдельные регионы бывшей Российской империи продолжали существовать как части одного государства, необходим “единый субстрат” государственности. “Национальным субстратом того государства, которое называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию – **Евразией**, ее национализм – **евразийством**”²¹, – отмечал Н.С. Трубецкой.

В опубликованной в 1925 г. в Берлине работе “Наследие Чингисхана” он писал, что в советской внешней политике проявляется “отказ от фальшивых славянофильских и панславистских идеологий, отказ от подражания империалистическим замашкам великих европейских держав. По отношению к Востоку впервые взят правильный тон, соответствующий исторической сущности России-Евразии: впервые Россия признала себя естественной союзницей азиатских стран... Во внутренней политике следует отметить отказ от русификаторства, органически чуждого исторической стихии России”²².

Пражские евразийцы не случайно подчеркивали схожесть многих своих идей евразийского государственного устройства с советской концепцией многонационального государства. Достаточно обратиться к истории образования СССР, чтобы увидеть явное стремление советских лидеров сохранить единое государственное пространство Российской империи. Не вдаваясь в подробности сложного процесса решения национального вопроса в СССР, обратим внимание на два диаметрально противоположных друг другу варианта государственного строительства²³.

Официальному провозглашению СССР в 1922 г. предшествовала бурная дискуссия в центральном партийном руководстве и особенно в республиканских партийных организациях. Основной проект, выдвинутый И.В. Сталиным и поддержанный С.М. Кировым, Г.К. Орджоникидзе, Д.З. Мануильским и другими, предусматривал вхождение национальных республик в РСФСР и, как указывалось в письме секретаря ЦК Компартии Украины Д.З. Мануильского И.В. Сталину 4 сентября 1922 г., “ликвидацию самостоятельных республик и замену их широкой реальной автономией”²⁴. Этот проект был принят 24 сентября комиссией ЦК РКП(б) и получил название “автономизации”, или “федерации, основанной на автономии”.

Другой – ленинский – вариант предусматривал федерацию, основанную на договорных началах. Вокруг вопроса о принципах объединения развернулась ожесточенная борьба. Против ленинского проекта резко выступил Ф.Э. Дзержинский, за что поляк Дзержинский был обозван Лениным “великодержавным русским держимордой”. 27 сентября 1922 г. тяжело больной Ленин в беседе со Сталиным подверг резкой критике идею “автономизации”, считая ее ошибочной, умаляющей права национальностей. Одновременно он продиктовал письмо к членам политбюро ЦК РКП(б) “Об образовании СССР”, настаивая на создании “федерации **равноправных республик**”²⁵.

6 октября 1922 г. пленум ЦК РКП(б) принял резолюцию о заключении договора между независимыми советскими республиками (включая РСФСР) об их объединении

²¹ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана, с. 500.

²² Там же, с. 276.

²³ См. Гилилов С.С. В.И. Ленин – организатор советского многонационального государства. М., 1960.

²⁴ Там же, с. 168.

²⁵ См. Ленинский сборник. XXXVI. М., 1959, с. 497.

в Союз Советских Социалистических Республик с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава Союза.

Сталин больше не отстаивал идею “автономизации”, а позже, укрепив свою авторитарную власть, считал, что единство советского государства может обеспечить “сила центра”. Но в 1922 г. главным для Сталина была реальная угроза – намерение Ленина снять его с должности генерального секретаря ЦК, о чем Ленин сообщал в своем письме к членам ЦК 23 декабря 1922 г. (с добавлением 4 января 1923 г.)²⁶.

“Автономизация” была более близка к старому административно-государственному устройству Российской империи, а очень быстрое, произвольное, без какого-либо обоснования определение государственных границ каждой из советских республик могло привести к серьезным проблемам во взаимоотношениях между ними. Что же касается провозглашенного “права наций на самоопределение вплоть до отделения”, то, по мнению классических евразийцев, этот принцип мог сыграть опасную роль в будущем. Некоторые из них даже заявляли о бомбе, подложенной под российскую государственность. Евразийцам больше импонировала идея “автономизации”, которая в перспективе должна была привести к объединению народов России. Особое внимание они уделяли культурной автономии в рамках краевого или губернского территориально-административного деления советского государства. Именно поэтому сторонники “автономизации” иногда назывались советскими “неосознанными евразийцами”.

В отличие от них противники “автономизации”, которых философ А.С. Панарин назвал представителями “раннего коммунистического романтизма”, рассчитывали “на исчезновение национальных границ, отмирание государства и слияние народов в единую коммунистическую семью”²⁷.

В советское время немногочисленные исследователи идей евразийцев указывали, что заслугой евразийцев является определение “многонациональное государство”, хотя они и считали, что России необходима “сильная централизованная власть”, так как ее бесконечные просторы не содействуют раздробленности и требуют экономического и политического единства.

Один из лидеров евразийцев, Н.Н. Алексеев был весьма радикален в оценке советской национальной политики. “Отдельные входящие в Россию народы разрушат и Россию, и интернационализм, – писал он. – ...Так были созданы большевиками многочисленные национальные республики среди народов, которые до этого ни о какой автономии не думали”²⁸. В СССР, разумеется, не было какого-либо оформленного евразийского идейного течения, но были яркие личности, научно разрабатывавшие проблемы евразийского пространства, пытавшиеся выяснить его прошлое и наметить будущее. Прежде всего, это Л.Н. Гумилев, чьи работы длительное время вызвали острые споры между этнографами, историками и географами. Среди советских евразийцев выделяется и новгородский писатель Д.Н. Балашов. В сборнике новгородской писательской организации “Вече” Д.Н. Балашов продолжал развивать идеи классических евразийцев, особенно в связи с их отношением к Западу. “Лучше или хуже наша история и мы сами стран и народов Западу? Не лучше и не хуже, мы – другие”²⁹, – писал он. Многое в его взглядах совпадает с концепцией этногенеза Л.Н. Гумилева, например, “представление о том, что Россия – страна не европейская, а именно евроазиатская, что следование европейскому пути развития было в России ошибкой”³⁰.

Оценки советского евразийства были самыми разнообразными. В журнале “Звезда”, в статье, озаглавленной “Советское евразийство”, Б.Н. Парамонов оценивает его как “культурно-политическую концепцию”³¹. Автор пытается понять, “чем отличается

²⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 345–346.

²⁷ Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М., 1999, с. 175.

²⁸ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998, с. 366, 368.

²⁹ Балашов Д. И нужна любовь. – Вече, Новгород, май 1989, спец. выпуск.

³⁰ Парамонов Б. Советское евразийство. – Звезда, 1992, № 4, с. 196.

³¹ Там же, с. 195.

нынешнее – советское – евразийство от первоначального”³². Он видит это отличие в отходе от культурологической концепции к науке о природе – “русской природе, обусловившей традиционные черты русского исторического бытия”³³.

Л.Н. Гумилев видел корни евразийства все же в славянофильстве. “Именно в среде славянофилов, – отмечал он, – зародилось научное направление, получившее название “евразийство”. Его приверженцы, чьи труды у нас замалчиваются, исходили из того, что Россия имеет два начала – славянское и тюркское. Я считаю такой подход обоснованным и разумным, он плодотворен не только при рассмотрении вопросов прошлого, но и при решении сегодняшних проблем”³⁴.

В работах Л.Н. Гумилева, в его переписке с Г.В. Вернадским четко прослеживается не только новый этнографический подход (“этногенез евразийских народов”) к основам освоения евразийского пространства, но и стремление продолжить изыскания евразийцев относительно “пространственной преемственности” государств на территории Российской империи и Советского Союза. Л.Н. Гумилев подчеркивал, что евразийцы, прекрасно понимая суть советского государственного устройства, тем не менее видели и определенную преемственность в развитии страны. Он обращал внимание на уже упоминавшееся утверждение Н.С. Трубецкого о том, что вся совокупность народов, населяющих СССР, рассматривается как “особая многонародная нация” и в качестве таковой обладает “своим национализмом”³⁵.

Позже Л.Н. Гумилев эту “многонародную нацию” назовет “суперэтнотомом”, имея в виду систему нескольких этносов. По существу это совпадает с формулой брежневской эпохи “советский народ – новая историческая общность”. Однако Л.Н. Гумилев подчеркивал, что в цивилизационном плане именно русский этнос является носителем цивилизационного наследия всего евразийского пространства. Л.Н. Гумилев в неявной форме проводил мысль о том, что определение четких государственных границ каждой из 15 советских национальных республик было с самого начала искусственным. Ведь в дооктябрьской России, да и вообще в прошлом таких границ не существовало.

Взгляды Л.Н. Гумилева, который называл себя “последним евразийцем”, безусловно, отличаются от идей первых евразийцев. У него отчетливо видна трансформация классического евразийства в “теорию этногенеза”. От евразийства он воспринял экологический детерминизм и “исторические циклы”. Его концепция этногенеза и евразийской общности предполагает эволюцию России в качественно новый межнациональный союз народов. Л.Н. Гумилев считал, что только познание российскими народами смысла своего единства обеспечит им будущее своей национальной жизни³⁶.

К “последним евразийцам” можно отнести и русского писателя-мыслителя А.И. Солженицына. Хотя он не ассоциировал себя с евразийцами, многие его взгляды на внутреннее обустройство России совпадают с евразийскими идеями. Есть, правда, и много различий по вопросам государственного единства³⁷.

НЕОЕВРАЗИЙСТВО

В 80 – 90-е годы XX в. предпринимались попытки возродить евразийские идеи и дополнить их новыми оригинальными суждениями. Своеобразной идейной платформой неоевразийства стали труды Л.Н. Гумилева. По глубине исследований никто из неоевразийцев (за исключением, может быть, А.С. Панарина) не поднялся до его уровня и тем более до уровня классических евразийцев.

На рубеже веков в России и в некоторых других государствах СНГ возникли общественные организации, называвшие себя евразийскими. 21 апреля 2001 г. в Москве

³² Там же, с. 196.

³³ Там же, с. 197.

³⁴ Гумилев Л. Человечность превыше всего. – Известия, 23.VI.1989.

³⁵ Современная русская идея и государство. М., 1995, с. 29.

³⁶ Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 1992, с. 292 – 300.

³⁷ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. Л., 1990.

состоялся учредительный съезд Общероссийского политического общественного движения Евразия. Были приняты программные документы и устав движения, в которых декларировались очень широкие цели: от укрепления российской государственности до создания социального государства на основах историко-культурных традиций, евразийства, державности и пр., и пр.³⁸

До съезда и после него проходили многочисленные конференции и диспуты, посвященные идеям евразийства. Они возродили интерес к евразийству, ознакомили с его главными идеями. Основное внимание при этом уделялось философским взглядам евразийцев, да и само евразийство больше оценивалось как оригинальное течение русской зарубежной философской мысли. Именно этой стороне евразийского течения были посвящены работы О.Д. Волкогоновой³⁹, Л.И. Новиковой и И.Н. Сиземской⁴⁰, Л.Н. Гумилева⁴¹, публикации в журнале “Вопросы философии” в 1990-е годы, а также защищенные в это же время многие кандидатские диссертации по философии евразийства. Почти одновременно в США, Германии и Франции вышли работы, авторы которых – М. Раев, М. Бассин, Л. Люкс, У. Лакер, М. Ларюэль, П. Серю – рассматривали отдельные аспекты евразийских идей, сопоставляли их с западными идейными течениями, в частности с немецкой классической философией.

После распада СССР возникшая и заинтересовавшая многих идея создания Евразийского союза замалчивалась либо искажалась новой властью. Президент РФ Б.Н. Ельцин пренебрежительно отзывался о предложении президента Казахстана Н.А. Назарбаева создать такой союз.

Н.А. Назарбаев сыграл большую роль в стимулировании становления неоевразийства как идейного течения, призванного продолжить научный поиск классического евразийства. Помимо его государственно-политической деятельности и инициатив по созданию и деятельности Содружества Независимых Государств, Н.А. Назарбаеву принадлежит заслуга разработки ряда теоретических проблем евразийского пространства и его интеграционного потенциала⁴². Он обосновал идею более интенсивной интеграции евразийских стран: тесное экономическое сотрудничество, совместное решение оборонных, экологических проблем, создание общего культурного, информационного пространства. При этом президент Казахстана подчеркивал, что в интеграции этих стран “стержнем может стать именно Россия”⁴³. Ему же принадлежит авторство детального проекта “Формирование Евразийского Союза государств”⁴⁴. Однако все эти идеи не нашли широкой поддержки у большинства российских политиков, а также у среднеазиатских соседей и Украины.

В мае 1994 г. был проведен “круглый стол”, посвященный актуальным проблемам евразийства. Стремясь “приспособить” концепцию евразийства к российской ситуации 90-х годов XX в., участники довольно жаркой дискуссии попытались выдвинуть проект модернизации России, найти выход из острого кризиса. Не случайно поэтому сборник материалов “круглого стола” представлен как “Евразийский проект модернизации России”⁴⁵. Рассматривая перспективы “нового евразийского союза”, участники

³⁸ См. Программные документы Общероссийского Политического Общественного Движения Евразия. М., 2001.

³⁹ Волкогонова О.Д. Образ России в философии русского зарубежья. М., 1998.

⁴⁰ Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. М., 1999.

⁴¹ Гумилев Л.Н. Историко-философские сочинения князя Н.С. Трубецкого (заметки последнего евразийца). – Трубецкой Н.С. История, культура, язык. М., 1995, с. 31–54.

⁴² См. Назарбаев Н.А. Евразийский Союз. Идеи, практика, перспективы. 1994–1997. М., 1997.

⁴³ Там же, с. 31.

⁴⁴ Евразийское пространство: интеграционный потенциал и его реализация. Алматы, 1994, с. 3–12.

⁴⁵ Евразийский проект модернизации России: “за” и “против”. Социальная теория и современность, вып. 18. М., 1995.

проекта выдвигали чисто умозрительные варианты, сводившиеся к явно политизированным построениям.

Разработка проблем евразийства продолжалась на страницах журнала “Безопасность Евразии” за 2002–2008 гг., а также в специальном издании “Становление евразийской безопасности” (М., 2005).

Среди неоевразийцев проявляются острые идейные и политические противоречия, о чем свидетельствуют материалы международной конференции в Барнауле в начале июня 2001 г., посвященной “Евразийскому мировоззрению и потенциалу Сибири в XXI в.”. А.В. Иванов, чьей статьей открывается сборник материалов конференции, разграничивает современное антиевразийство, лжеевразийство и псевдоевразийство⁴⁶. Противоречия видны и в сборнике статей, изданном Российским университетом дружбы народов⁴⁷.

У неоевразийцев существуют разнообразные, подчас противоречащие друг другу течения: от либеральных до крайне консервативных. Тем не менее А.Г. Дугин, В.В. Кожин, В.В. Малявин, Г.Д. Чесноков, А.С. Панарин, В.Я. Пашенко и другие – все считают себя евразийцами. Многих из них объединяет антизападная тенденция.

Своеобразным стимулом для повышения интереса к идеям евразийства, а также для конституирования неоевразийского движения стало признание значения и актуальности евразийских идей российским руководством. Выступая в Астане, в Университете им. Л.Н. Гумилева 10 октября 2000 г., Президент РФ В.В. Путин подчеркнул: “Заряд, который несут в себе евразийские идеи, особенно важен сегодня, когда мы выстраиваем подлинно равноправные отношения между странами Содружества Независимых Государств. И на этом пути нам важно сохранить все лучшее, что накоплено за многовековую историю цивилизации и Востока, и Запада”⁴⁸.

Неоевразийство стало одной из значительных мировоззренческих платформ, но отнюдь не единой. Если А.С. Панарин и Б. Ерасов основное внимание уделяли теории и политике, подчеркивая национальное многообразие Евразии⁴⁹, то Э. Баградов и его журнал “Евразия” рассматривали преимущественно культуру и фольклор, славяно-тюркское смешение, а А.Г. Дугин в журнале “Элементы” проповедовал главным образом политические взгляды антизападников⁵⁰. А.Г. Дугин, кстати, сделал очень много для публикации в наше время трудов классических евразийцев.

Что же отличает неоевразийцев от основателей евразийства?

У некоторых неоевразийцев по-иному, чем у евразийцев 1920-х годов, трактуются отношения “Восток – Запад”, которые в ряде случаев заменяются вертикалью “Север – Юг” (А.С. Панарин, А.Г. Дугин). Вместо географического и культурно-религиозного фактора, который у евразийцев являлся определяющим в развитии народов, неоевразийцы считают главными элементами биологический и этнический факторы (Л.Н. Гумилев, А.Г. Дугин). Сравнительный анализ важнейших постулатов классического евразийства и неоевразийства предоставляет возможность объективной оценки их различий, а также позитивных и негативных тенденций их мировоззрения для разработки важных проблем современного развития на евразийском пространстве и определения его будущего.

Наиболее глубокие размышления, во многом близкие и даже развивающие идеи евразийцев, принадлежат А.С. Панарину. Отдавая должное антизападным настроениям евразийцев, он распространяет их взгляды на современную ситуацию в мире. “Вестернизация означает не столько счастливое уподобление Западу по достигательным критериям “догоняющего развития”, – пишет он, – сколько разложение органической

⁴⁶ Евразийское мировоззрение и потенциал Сибири в XXI в. Барнаул, 2002, с. 3–10.

⁴⁷ Евразийская идея и современность. М., 2002.

⁴⁸ Евразийство. Теория и практика. М., 2001, с. 7.

⁴⁹ Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М., 1995.

⁵⁰ Дугин А. Мистерии Евразии. М., 1996; его же. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1999.

целостности незападных культур и появление на их месте неупорядоченных конгломератов, превращаемых в свалку технологических и социальных шлаков развитых стран”⁵¹.

Особое внимание А.С. Панарин уделяет “духовной интеграции” на постсоветском пространстве. “Евразийскому пространству, – отмечает он, – бесспорно, нужны кропотливые организаторы и работники, предприниматели и эксперты, ибо наша повседневность захламлена и запущена. Но никак не меньше ему нужны пламенные носители Веры и Смысла, ибо только взятое в духовном измерении оно обретает единство, притягательность и центростремительный потенциал. Никакие другие формы интеграции не могут дать надежного результата без духовной интеграции, связанной с обнаружением нового смысла истории”⁵². А.С. Панарин подвергает резкой и весьма аргументированной критике многие постулаты горбачевской внешней политики, которая базировалась на признании “общечеловеческих ценностей” и, исходя из этого, вела к колоссальным уступкам Западу. Следует иметь в виду, что определения “общечеловеческая цивилизация” и “общечеловеческие ценности” являются крайне неточными. Ведь за каждым из таких определений скрываются этнографические понятия. Поэтому европейская культура не может быть культурой человечества. Как отмечал еще в 1920 г. Н.С. Трубецкой, культура “есть продукт истории определенной этнической группы”⁵³.

Идеи консервативного крыла неоевразийцев столь пространны и радикальны в геополитическом смысле, что они, возможно, и заслуживают специального изучения, но поскольку они весьма далеки от классического евразийства, то нет смысла рассматривать их более детально. Ограничимся лишь упоминанием некоторых из них.

Решительно выступая против однополярного мира, неоевразийцы в то же время отрицают возможность многополярности. Они провозглашают необходимость “новой биполярности”. Но в чем отличие, новизна их биполярности от существовавшей во времена “холодной войны”, они не определяют, ограничиваясь туманным постулатом: “Новый евразийский биполяризм должен исходить из совершенно иных идеологических предпосылок и основываться на совершенно иных методиках”⁵⁴.

Неоевразийство подвергалось критике не только в России, но и – особенно острой – на Западе. Там выходит много работ, посвященных евразийству и неоевразийству, но в наиболее концентрированном виде отношение Запада к евразийству раннему и позднему изложено, пожалуй, в книгах французской исследовательницы М. Ларюэль, и прежде всего в ее последней работе “Русское евразийство: идеология Империи”⁵⁵. М. Ларюэль оценивает неоевразийство как самую изощренную из всех консервативных идеологий. Она считает, что постулаты классического евразийства используются неоевразийцами и политиками для продвижения своих политических проектов, а авторы этих проектов даже не пытаются глубоко изучить и критически осмыслить идейное наследие “отцов-основателей”. С этим нельзя не согласиться. Значительная часть книги М. Ларюэль посвящена детальному разбору взглядов Л.Н. Гумилева, А.С. Панарина и А.Г. Дугина, а также казахстанскому и турецкому евразийству, которые автор характеризует как “местный национализм”.

Разнообразные взгляды большинства неоевразийцев носят в основном умозрительный, общеполитический характер. Они никак не связаны с осмыслением современной социально-экономической и политической ситуации на постсоветском пространстве. Не учитываются и весьма определенные действия внешних факторов (прежде всего политики США и Евросоюза) в отдельных государствах СНГ. Именно поэтому неоевразийские проекты являются в большинстве своем утопическими. Только многофак-

⁵¹ *Панарин А.С.* Россия в циклах мировой истории, с. 25.

⁵² Там же, с. 119.

⁵³ *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана, с. 33.

⁵⁴ См. *Дугин А.Г.* Основы геополитики. М., 2000, с. 162.

⁵⁵ *Laruelle M.* Russian Eurasianism: An Ideology of Empire. Washington – Baltimor, 2008.

торный, комплексный подход, сочетание теоретических, исторических, политических, экономических, географических, правовых и других исследований может способствовать определению реальных перспектив развития всего евразийского пространства и возможностей для России играть в этом ключевую роль.

Интерес к идеям евразийства, проявившийся после распада СССР, в условиях общей геополитической нестабильности, не привел к каким-либо серьезным теоретическим изысканиям. Перенести евразийские идеи 1920-х годов на реалии конца XX и начала XXI в. было довольно сложно. Для этого требовались глубокие научные исследования. Но их не было. Идеи евразийцев без их осмысления использовались политиками самых различных направлений – от либералов до демократов – ради реализации своих узких партийных задач.

АКТУАЛЬНА ЛИ ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕЯ В XXI в.?

“Россия всегда ощущала себя евроазиатской страной. Мы никогда не забывали о том, что основная часть российской территории находится в Азии. Правда, надо честно сказать, не всегда использовали это преимущество”⁵⁶, – эти слова принадлежат Президенту РФ В.В. Путину, и произнесены они были в первый год его президентства – в ноябре 2000 г. Прошло более девяти лет. И что же, использовали мы это преимущество?

Вопрос о роли России в жизни евразийского сообщества остается решающим в определении судьбы всего евразийского пространства в XXI в. и судьбы самой России. Будет ли она в ряду “развивающихся маргиналов” или станет притягательным мощным центром, вокруг которого смогут объединиться на равноправной основе все члены евразийского содружества? Речь идет не о какой-то особой российской амбиции, а о восстановлении или, вернее, установлении, объективной взаимосвязи и взаимозависимости всех регионов огромного евразийского пространства.

В своих работах теории евразийства часто пользуются определением Россия-Евразия, воспринимая их как единство. Весьма актуальными сейчас, в XXI в., являются их заявления о том, что они “не согласны идти с теми, кто в своекорыстных интересах желает разорвать на клочки это единство... Они совершенно уверены, что такие попытки не могут удасться, а если удадутся, то лишь на короткий срок – и более всего бед принесут своим авторам. Такие попытки противоречат природе вещей”⁵⁷. “Природа вещей” для евразийского пространства – это объективный фактор. Распад Советского государства был подобен гигантской тектонической катастрофе. И после распада созидательные силы в Российской Федерации оказались намного слабее разрушительных. Да и кого можно было назвать в ряду “созидателей”? Если они и были, то не с того начинали восстановление собственно России (речь не идет о восстановлении СССР), созидательный процесс и эффективную хозяйственную деятельность огромного, хотя и усеченного российского государства.

Напомним, что в евразийском движении принимали участие экономисты и историки, философы и лингвисты, культурологи и богословы, и даже музыковеды. Это, очевидно, и определило не только комплексность их исследований (а они были прежде всего учеными), но и сочетание в их концепции материальных и духовных факторов, экономических интересов и морально-нравственных принципов.

Люди второй половины XX в. и нашего времени при определении могущества государства, его места и роли в современном мире отдают приоритет преимущественно материальному началу – уровню экономики, сырьевой базе, военной мощи. Все духовное, включая и уровень культуры, остается на втором плане. Евразийцы таких приоритетов не обозначали, хотя в вопросе о евразийском “местоположении” Российского государства ими всегда выделялся природно-сырьевой фактор его развития. Не слу-

⁵⁶ Путин В.В. Россия: новые восточные перспективы. – Независимая газета, 14.XI.2000, с. 1.

⁵⁷ Савицкий Н.П. Указ. соч., с. 413.

чайню они часто рассуждали об экономическом освоении Сибири и Дальнего Востока, интересовались последствиями экономических реформ П.А. Столыпина в азиатской части России. Евразийцы не могли не обратить внимания на слова единомышленника и помощника П.А. Столыпина К.А. Кривошеина о том, что из придатка исторической Руси Сибирь превращалась в “органическую часть становящейся евразийской географически, но русской по культуре Великой России”⁵⁸.

Были известны им и труды русского экономиста Н. Огановского, который в “Вестнике Европы” писал: “Сибирь всасывала в себя поток людей и затем начинала выбрасывать на внутренний рынок потоки пшеницы, масла и других сельскохозяйственных продуктов”⁵⁹. Все это шло и на внешний рынок. Например, стоимость вывезенного в 1912 г. только в Англию сибирского масла составляла 68 млн. руб. – в два раза больше стоимости добычи сибирского золота. Сибирь обеспечивала промышленность сырьем⁶⁰.

Размышления евразийцев о природных богатствах России продолжает А.С. Панарин, отмечая, что еще большую значимость приобретает ее геополитическое наследие: “Оно – не меньшая глобальная ценность современного мира, чем природные богатства и геобиоценозы Евразии или богатейший культурный потенциал, связанный с наследием множества культур европейского и азиатского происхождения и, главное, с теми мироустроительными синтезами, которые они образовали в ходе многолетней взаимной адаптации. Первое геополитическое обречение России – это кратчайшие меридиальные пути, связывающие азиатский юго-восток с европейским северо-западом, Центральную Азию – с Восточной Европой, Индийский океан – с Северным Ледовитым и Атлантикой. Российская цивилизация создала такой тип единого пространства, характеристики которого обозначает классическая метафора “великой равнины” – коммуникационного поля, в котором устранены препятствия для обмена”⁶¹.

Экономический аспект концепции евразийства приобретает все большее значение. По мнению евразийцев, расположение России на пути из Европы в Азию может превратить ее в евразийский центр связей, мост между Европой и Азией. Это одно из приоритетных направлений мировых экономических отношений. Конечно, здесь, особенно в Центральной Азии, расположены государства с разным уровнем экономического развития и с разными потенциалами. Поэтому для России и других стран Шанхайской Организации Сотрудничества, как отмечает академик В.С. Мясников, основной задачей является “выравнивание экономических показателей и связей внутри организации, отказ от сепаратистских действий”⁶². Академик обращает внимание и на “потенциал нестабильности” в этом регионе. Так что для России и в экономическом, и во внешнеполитическом плане очень важным остается сотрудничество с азиатскими республиками на постсоветском пространстве.

Еще в середине 30-х годов прошлого века в связи с развитием воздушных сообщений первые евразийцы предсказывали возрастающую роль России-Евразии как “среднего мира”. В статье, опубликованной в 1933 г. в немецком журнале “Orient und Occident”, П.Н. Савицкий подчеркивал, что установление воздушных трансполярных линий еще больше усилит эту роль, а Россия “станет соединительным звеном между Азией и Северной Америкой”. “Русский мир, – писал он, – призван к объединяющей роли в пределах Старого Света”⁶³.

В XXI в. при бурном развитии Азиатско-Тихоокеанского региона Россия с ее огромными естественными богатствами может играть значительную роль в широкомасштабной зоне трансконтинентального экономического сотрудничества. Крупнейшая

⁵⁸ Цит. по: Рыбас С. Столыпин. М., 2004, с. 194.

⁵⁹ Там же, с. 193.

⁶⁰ Там же, с. 200.

⁶¹ Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории, с. 220 – 221.

⁶² Мясников В.С. Успехи Китая не дают спокойно спать США. – Известия, 13.X.2009.

⁶³ Савицкий П.Н. Указ. соч., с. 417.

сырьевая держава, располагающая примерно четвертой частью всех энергоресурсов планеты (40% мировых запасов газа, 13% – нефти, 30% – угля), Россия может стать центром единой энергосистемы Европы и Азии⁶⁴.

Россия уже сейчас является одним из мировых лидеров транзитной торговли, занимая центральную часть всего евразийского континента. Транзит через Россию с экономической точки зрения весьма выгоден как европейским странам, так и странам Юго-Восточной Азии. При этом большинство – 45 из 89 административных субъектов РФ – могут участвовать в международной транзитной деятельности. Основные транзитные потоки идут по модернизирующемуся Транссибу, а в недалеком будущем пойдут и по Байкало-Амурской магистрали. В этих транзитных путях, как и во всех остальных сферах экономического сотрудничества, особенно заинтересованы соседние с Россией государства – Казахстан, Узбекистан, Туркмения, да и вообще все страны СНГ.

После распада СССР российское руководство выдвинуло ряд интеграционных проектов в рамках СНГ, были заключены международные договоры об экономическом сотрудничестве. Важным шагом в возможном укреплении экономического сотрудничества бывших советских республик стало подписание в октябре 2000 г. в Астане Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Однако декларации и другие многочисленные документы не получили развития и конкретной реализации. Как отмечает известный эксперт в области интеграционных процессов в СНГ Л.С. Косикова, “существующие сегодня региональные союзы России со странами СНГ не достигли в своем развитии даже начальной стадии рыночной интеграции – полноценных зон свободной торговли, а только готовятся к переходу в подобный режим”⁶⁵.

Конечно, интеграционные процессы в рамках СНГ – ключевая экономическая (и политическая) проблема возможного и необходимого укрепления сотрудничества народов на евразийском пространстве. Если исходить из стратегической цели определения России в качестве центра евразийского пространства, то ей следует “приступить к активной консолидации пространства СНГ”⁶⁶, т.е. развивать инновационную экономику, привлекать страны СНГ к освоению сибирских и дальневосточных регионов России, превращать порубежные регионы России в зоны динамичного экономического развития и сотрудничества. За последние 15 лет постсоветское экономическое пространство претерпело эволюцию, которая привела к тому, что ныне его конфигурация сильно изменилась, а геополитические и геоэкономические позиции заметно ухудшились⁶⁷.

Развитию интеграции, сближению стран СНГ мешает ряд объективных факторов: процесс становления государственности не позволяет включиться в интеграционное движение; интеграция сдерживается незавершенностью перехода к новым формам хозяйствования; возрастает экономическая зависимость стран СНГ от западных государств, Китая и Японии, что осложняет интеграцию в рамках СНГ; вопросы взаимного сотрудничества приводят к довольно сильным противоречиям, которые не содействуют согласию; настороженное отношение к России, якобы угрожающей суверенитету и независимости членов СНГ, все время тормозит реализацию многочисленных, казалось бы, для всех выгодных совместных соглашений.

Интеграцию тормозит и мировой экономический и финансовый кризис, охвативший в 2008–2009 гг. все страны – члены СНГ. Хотя на встрече правительственных делегаций в мае 2009 г. в Астане высказывалось мнение, что в новых условиях все заинтересованы в расширении сотрудничества ради выхода из кризиса, никаких конкретных решений принято не было.

⁶⁴ Россия: стратегия развития в XXI веке, ч. 2. М., 1997, с. 19.

⁶⁵ Косикова Л.С. Интеграционные проекты России на постсоветском пространстве: идеи и практика. М., 2008, с. 11.

⁶⁶ Вардомский Л.Б. Регионализация постсоветского пространства: факторы, особенности, тенденции. М., 2008, с. 57.

⁶⁷ Зевин Л.З. Эволюция постсоветского экономического пространства. – Общество и экономика, 2008, № 3–4, с. 197.

За годы, прошедшие после провозглашения СНГ, исследователи пришли к выводу, что “становление этой новой общности объективно подчинено философии и логике евразийства”⁶⁸. Но за этой весьма туманной дефиницией не видно, насколько устойчива эта новая общность идей и какова перспектива развития СНГ. Не случайно периодически возникают утверждения о нежизнеспособности этого интеграционного объединения, а затем, после очередной встречи лидеров СНГ, звучат обнадеживающие слова о значительном вкладе этой организации в укрепление Содружества.

Идеи евразийства XXI в. призваны быть направленными прежде всего на сохранение и упрочение государственной целостности Российской Федерации, эффективное освоение и развитие ее азиатских регионов. Решение этой задачи невозможно без укрепления экономического, политического, культурного и военного потенциала России. Только тогда она сможет стать центром евразийского пространства. В связи с этим иногда высказываются опасения относительно прочности российского общества и самого государства, особенно под влиянием внешнего воздействия.

Российские и зарубежные, в том числе американские, геополитики приводят многочисленные свидетельства того, что в конце прошлого века (и сейчас) предпринимались попытки превратить Россию в “слабое государство”. По утверждению А.С. Панарина, России “предлагается перейти от федеративной модели государственного устройства к наиболее мягкой – конфедеративной”⁶⁹. Он приводит вариант одного из западных проектов: “Свободно конфедеративная Россия, состоящая из европейской России, Сибирской республики и Дальневосточной республики, также придет к выводу, что в таком случае ей будет легче поддерживать тесные экономические связи с соседями... В свою очередь децентрализованная Россия будет менее склонна к проявлению имперских амбиций”⁷⁰.

Эта очень распространенная модель представляет собой явную угрозу не только всему евразийскому пространству, но и нынешнему государственно-территориальному устройству Российской Федерации. А.С. Панарин приходит к выводу: “Сегодня можно считать доказанным, что не только Россия, но и все постсоветское пространство обречено на окончательную деградацию, если не состоится его реинтеграция в каких-то новых перспективных формах”⁷¹.

Уже вскоре после распада Советского Союза многие западные стратеги стали обсуждать возможность расчленения и самой России⁷². При этом ставилась задача установления американского господства над всем евразийским пространством. З. Бжезинский в 1997 г. в статье “Геостратегия для Евразии” писал: “То, каким образом будет распределена власть над Евразией, сыграет решающую роль в установлении глобального господства Америки и ее исторической судьбе”⁷³. А несколько позже в нашумевшей книге “Великая шахматная доска” он делал еще более откровенное заявление: “Главная геостратегическая цель Америки в Европе – укреплять американский плацдарм на евразийском континенте... для продвижения в Евразию международного демократического порядка и сотрудничества”⁷⁴.

Невольно вспоминаются слова другого, очень мудрого американца, дипломата и историка Дж.Ф. Кеннана, который, обращаясь к американским политикам и идеологам, говорил: “Когда советская власть придет к концу... не будем с нервным нетерпением следить за работой людей, пришедших ей на смену, и ежедневно прикладывать лакмусовую бумажку к их политической физиономии, определяя, насколько они от-

⁶⁸ Евразия – геостратегический ориентир России. М., 2001, с. 113.

⁶⁹ Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории, с. 237.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же, с. 238.

⁷² Кьева Дж. Русская рулетка. Что случится в мире, если Россия распадется. М., 2000, с. 35.

⁷³ Foreign Affairs, 1997, № 5, p. 17.

⁷⁴ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1999, с. 107.

вечают нашему представлению о “демократах”. *Дайте им время; дайте им возможность быть русскими; дайте им возможность разрешить их внутренние проблемы по-своему* (курсив мой. – И.О.)”⁷⁵.

Основатели евразийства и их последователи, прежде всего Л.Н. Гумилев, в своих рассуждениях о многочисленных этносах на евразийском пространстве выделяли русский (славянский) и тюркский (туранский) этносы как основателей и охранителей евразийских земель. При этом они подчеркивали факт смешения этносов, “прорастание” русского народа отнюдь не только из славянских корней. Может быть, поэтому на протяжении многих веков правители России (и вообще русский народ) никогда не ставили своей целью создание моноэтнического, расово однородного государства. Тем не менее всегда было общепризнанным, что русский народ является, говоря современным языком, “главным политическим субъектом” российского государства. Никакого русского шовинизма в этом не было и нет, хотя нельзя отрицать определенных “перегибов” в политике Москвы относительно национальных республик в советское время. Но это больше относилось к действиям властей, а не к народному проявлению.

Все это важно вновь подчеркнуть теперь, когда “поощрение этносуверенитетов” (“берите суверенитета, сколько хотите!”) на евразийском пространстве стало реальной политикой государств, весьма далеких от этого региона. Мысли евразийцев 1920-х годов в наше время стали пророческими, определяющими будущее России на отдаленную перспективу всего XXI в. Поэтому как весьма актуальные воспринимаются слова евразийского патриарха Г.В. Вернадского: “Русский народ есть основная сила Евразийского государства; **русский язык есть основная стихия евразийской культуры**. Но сила русской стихии в евразийском мире не может держаться на внешнем принуждении и регламентации внешних рамок. Сила эта – в свободном культурном творчестве. Русский народ создал Евразию как историческое месторазвитие напряжением всех своих сил. Русский народ должен неослабно проявлять и в дальнейшем то же творческое напряжение, чтобы удержать место Евразии на земле и свое собственное лицо в Евразии”⁷⁶.

Опять же кому-то это может показаться проявлением “русского шовинизма”. Но это совсем не так. Евразийцы одинаково относились ко всем народам России, о чем свидетельствует главный вывод, к которому они пришли и который распространяется на все народы российской державы, независимо от ее внутреннего строя – монархии, “реального социализма” или “либерального социального государства” XXI в. Этот вывод – основа всей евразийской геополитической стратегии и в наши дни.

“Нужно, чтобы каждый из народов Евразии, сознавая самого себя, сознавал себя именно прежде всего как члена этого братства, занимающего в этом братстве определенное место, – писал Н.С. Трубецкой. – В евразийском братстве народы связаны друг с другом не по тому или иному одностороннему ряду признаков, а по общности своих исторических судеб. Евразия есть географическое, экономическое и историческое целое. Судьбы евразийских народов переплелись друг с другом, прочно связались в один громадный клубок, который уже нельзя распустить, так что отторжение одного народа из этого единства может быть произведено только путем искусственного насилия над природой и должно привести к страданиям”⁷⁷.

Размышления о сотрудничестве евразийских народов, о роли России в этом сотрудничестве неизменно приводят к, казалось бы, не имеющей прямого отношения к этим процессам проблеме – формированию в России (и в странах СНГ) гражданского общества, пониманию и ощущению гражданственности, осознанию себя гражданином государства российского. Невольно вспоминаются слова русского реформатора П.А. Столыпина, сказанные ровно 100 лет назад. В беседе с редактором саратовской

⁷⁵ *Кеннан Дж.Ф.* Америка и русское будущее. – Новая и новейшая история, 2001, № 3, с. 85.

⁷⁶ *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории, с. 282.

⁷⁷ *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана, с. 502–503.

газеты “Волга” он подчеркнул: “Прежде всего надлежит создать гражданина... и, когда эта задача будет осуществлена, – гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданин, а потом гражданственность. У нас обыкновенно думают наоборот... На очереди главная задача – укрепить низы. В них вся сила страны. Будут здоровы и крепки у государства (так в тексте. – *И.О.*), поверьте, и слова русского правительства совсем иначе зазвучат перед Европой и перед всем миром. Дружная, общая, основанная на взаимном доверии работа – вот девиз для нас всех, русских!”⁷⁸.

Эти мысли о гражданственности развивает и А.И. Солженицын в своих рассуждениях о России⁷⁹.

* * *

Современный мир переживает кардинальные изменения, затрагивающие жизненные интересы России. Эти изменения требуют глубокого изучения и переосмысления многих прежних представлений о роли России на планете, особенно в Европе и Азии.

На рубеже XX и XXI вв. России потребовалось определить свои геостратегические ориентиры. При этом особое значение приобретает геополитическое положение государства, занимающего огромные пространства евразийского континента. Дефиниция “Евразия” уже давно применительно к России используется не только как географическое понятие, но и как комплекс различных материальных и духовных компонентов, сложившихся в ходе многовекового взаимодействия народов, этносов, культур и конфессий.

Сможет ли России оставаться и впредь быть центром евразийского пространства и евразийского сообщества, в известной степени призвано ответить идейно-научное течение евразийство. Изучение и развитие евразийской идеи, ее многочисленных вариантов должно содействовать нахождению решений многих сложных проблем взаимоотношений народов на постсоветском пространстве, в том числе и ряда национальных вопросов внутри Российской Федерации.

Важно разработать *новый евразийский проект* на основе многофакторного анализа всех сторон экономической и социально-политической жизни евразийского сообщества, отбросив устаревшие или не оправдавшие себя концепции классических евразийцев и нежизнеспособные постулаты большинства неоевразийцев 1990-х годов. При подготовке нового евразийского проекта стоит учесть, что в XXI в. могут произойти новые переломные события. В борьбу за свои права, в большую политику вступают страны, еще не так давно называвшиеся “развивающимися”. Социальные противоречия обостряются в невиданных ранее масштабах. Глобализация оказалась отнюдь не спокойным эволюционным процессом, а процессом, чреватый массовыми народными взрывами.

Отдавая должное вкладу в науку классических евразийцев и воспринимая многие их идеи, исследователи места и роли России в XXI в. видят необходимость не только уточнения евразийской идеи применительно к новому времени, но и разработки новой евразийской теории, во-первых, позволяющей осмыслить совершенно новое качество российского государства – преемника Советского Союза – и, во-вторых, определить перспективные направления его развития на огромной евразийской территории.

⁷⁸ Цит. по: Рыбас С. Указ. соч., с. 191.

⁷⁹ Солженицын А.И. Указ. соч., с. 20.